

ГАЛИНА РОМАНОВА

ТЕНЬ ЧУЖОГО ВРАГА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *А. Зининой*

Романова, Галина Владимировна.

Р69   Тень чужого врага / Галина Романова. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-245214-7

В небольшом поселке обнаруживают два трупа — мужчину и женщину, слившихся в смертельном объятии. Местный участковый Анисимов, недавно овдовевший и пытающийся справиться с одиночеством, начинает расследование, которое выводит его на след серийного убийцы, использующего электрички для поиска жертв...

Параллельно в Москве майор Дима Воинов занимается делом о загадочной смерти продюсера в ресторане. Обе линии постепенно сближаются, указывая на одного преступника...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-245214-7   © Романова Г.В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ШАВА 1

Она сидела съежившись у самого окна в вагоне, полном пассажиров. Черная толстая куртка. Черные широкие джинсы. Грязные понизу штанины такие длинные, что не видно обуви. Но он был уверен, что под штанинами обнаружатся расхлябанные кроссовки на толстой подошве. И носки с дырками на пятках — закономерность для таких, как она. Низко надетый капюшон толстовки почти полностью скрывал козырек черной кепки. И лица, конечно же, не было видно.

Этим он тоже балуется. Не любит, когда его лицо на виду.

Девушка усиленно демонстрировала усталость и расслабленность. Делала вид, что дремлет. Но он был уверен, что каждый нерв ее натянут струной. Подойди, тронь — и она сорвется, побежит. Ни за что кричать не станет. Не потому, что постесняется. А потому, что знает: бесполезно. Никто не придет на помощь. Чего тогда кричать?

Девушка знала о своей жизни всё наперед. Там не было ничего хорошего. Полная тьма. В лучшем случае — сумерки. Девушка знала о себе всё досконально, поэтому не надеялась, что сумерки ее жизни когда-нибудь сменятся ясным днем. На ней было клеймо, она, возможно, с ним и родилась. Родители сто процентов пьющие, неработающие, перебивающиеся разовыми заработками. Кое-как собирали ее в школу, пока она туда еще ходила. Когда бросила, махнули рукой и вздохнули с облегчением: не надо теперь тратиться. Что их дочь делала в то время, когда должна была посещать школу, и с кем общалась, их совершенно не волновало.

Она была проблемной, родившейся у таких же проблемных родителей. Удивительно, что их не лишили родительских прав. Может, потому что никому до них не было дела? Или их дочь ухитрялась балансировать на самом краю, не падая?

Это было не важно. Предыстория его не волновала. Его волновало, как сейчас сложится их диалог. Выслушает она его или пошлет? Если выслушает, то пойдет ли с ним? Если пойдет с ним, согласится ли потом на его условия?

Да, и еще было важно, чтобы девчонка оказалась совершеннолетней. Если ей нет восем-

надцати, то планам его не суждено сбыться. Это против его правил.

Электричка остановилась на загородной станции, выпустив из вагона почти всех пассажиров. Оставшихся можно было пересчитать по пальцам одной руки. Он, девчонка, парочка у самого выхода и пожилой угрюмый мужик. Парочка всюду целовалась, не обращая ни на кого внимания. Мужик с большим пакетом, из которого торчали замороженные рыбы хвосты, не смотрел по сторонам. Взгляд его был застывшим. Возможно, подсчитывал расходы после поездки на центральный рынок. Этой электричкой пользовались многие, кто ездил туда за покупками.

До конечной было всего две остановки, когда в вагоне остались лишь он и девчонка. И тогда он, перестав притворяться спящим, пошел к ней, всё еще притворявшейся спящей.

— Привет, — сказал он, сев на ее скамейку в некотором отдалении.

Это было важно. Сядь он ближе, она настожится. Сядь напротив — она сбежит. А так, стоит ей сделать попытку, он тут же ее остановит.

Конечно, она не ответила, сжавшись еще сильнее. Ее тело словно превратилось в камешек.

— Что, всё так плохо? — спросил он, не дождавшись от нее ни слова.

Он и не рассчитывал. Они редко сразу шли на контакт.

— Понимаю тебя. Денег нет. Ехать некуда. Давно катаешься на этом маршруте?

И тут она шевельнулась. Чуть повернула голову в его сторону и прошипела:

— Тебе чё надо, мужик?

— Ничего.

— Ты мент, что ли? — предположила она.

Это его рассмешило, и он еле подавил улыбку.

— Нет. А похож?

— Если не мент, значит, маньяк, — сделала она вывод.

И задрала-таки голову, демонстрируя крупные карие глаза, пожелтевшие синяки под ними, высокие скулы и тонкие, четко очерченные губы. Девчонка оказалась очень симпатичной. И это было хорошо.

— Точно, маньяк. — Он не сдержался и весело фыркнул. — И таких вот, как ты, ем на завтрак пачками. Ладно...

Он полез во внутренний карман теплой куртки, достал заранее приготовленные деньги. Ей он выделил три тысячи. Почему, и сам не знал. Но был уверен, что три тысячи для нее большая сумма. Она клюнет. Должна будет клюнуть.

— На вот, купишь себе чего-нибудь пожрать, — швырнул он ей купюры на колени.

Заметил, как она снова замерла и словно окаменела. Но деньги не смахнула на пол, не вернула ему, возмущенно заявляя, что она не продается и всё такое. Сидела, низко опустив голову, и никак не реагировала.

— Так, кажется, моя станция, — пробормотал он, вставая. — Ну всё, бывай. Береги себя. И пожрать себе чего-нибудь купи, на дозу не трать.

— Я не употребляю, если ты об этом! — возмутилась девушка.

— Тогда поешь.

Поезд начал притормаживать. И он пошел к выходу, на ходу считая.

Если она сейчас сразу кинется за ним, то для того дела, для которого она была ему нужна, она не особо годится. Если догонит на перроне, то возможность появлялась. Если будет плестись за ним, всю дорогу соблюдая дистанцию, то это отлично. Она ему подойдет.

Почему? Потому что умная, осторожная, не готовая хватать с руки крошки за копеечку малую...

— Меня Наташей зовут, — проговорила она вполголоса, догнав его уже в поселке. — А тебя?

— Меня — Николай, — придумал он на ходу себе новое имя. — Будем знакомы?

— Будем. А ты где живешь, Коля?

Они стояли на заснеженной улице загородного поселка, после праздников сделавшегося почти полностью необитаемым. На этой улице никого сейчас не было. Хозяева уехали в город, поставив свои коттеджи на сигнализацию.

Дом, в который он должен был ее сейчас отвести, продавался. Уже давно продавался, но покупателей не было. Далеко от станции, холодной воды нет в доме, канализации тоже. Кому нужен этот дом, пусть и двухэтажный?

Риелторам через год надоело сюда бесполезно кататься, и они отказали хозяевам в услугах. Хозяева, он точно знал, зимой улетали на острова. Дом оставался бесхозным. Сигнализации не было, станут они тратиться на ерунду. Он и воспользовался.

Он всегда находил такие вот неприметные, бесхозные жилища: дома, квартиры, комнаты. Просто заселялся в них или заселял кого-то, не ставя хозяев в известность. Им было не до того — тем хозяевам, которых он вычислял. Они либо жили в других городах или за границей, либо вовсе были прикованы к койке где-то по другим адресам.

Он всегда находил то, что ему было нужно для дела. И никогда не оставлял следов.

— Это твой дом? — указала Наташа подбородком в сторону двухэтажного мрачного

строения с окнами, закрытыми металлическими ставнями.

— Сейчас мой. Я его арендую, — поспешил он добавить, чтобы не пугать ее раньше времени.

— Мне можно у тебя остановиться? — задала она вопрос, которого он ждал.

— Как хочешь, — ответил он как можно равнодушнее. — Но предупреждаю: туалет на улице. Вода в колонке. Отопление газовое есть, но я им не пользуюсь, топлю камин.

— Есть камин? — ахнула она как будто с восторгом.

— Есть.

— А пожарить есть чё? Я проголодалась. — Она попрыгала на заснеженном тротуаре. — Кажется, кости гремят.

— Найдем тебе поесть. Ну что, идешь со мной?

Она пошла безропотно. И помогала активно. И воду таскала из колонки, заполняя опустевший бак. И картошку чистила. И документы ему показала, когда он потребовал. Паспорт был выдан на имя Харитоновой Натальи Викторовны. Девятнадцатилетней москвички, зарегистрированной на улице, о которой он даже никогда не слышал.

Свой паспорт он ей не показал. Сказал, что обойдется. Она у него в гостях, а не наоборот.

Они совместно приготовили простой ужин — сварили картошку, бросив туда пять куриных крылышек и лавровый лист. Он открыл банку с помидорами. Обнаружил неделю назад в подвале в старых хозяйских запасах. Достал полбуханки хлеба из целлофанового мешка. Нарезал тонко. И пока Наташа плескалась в прохладной душевой над тазиком, он накрыл на стол.

Она вышла, когда крылья с картошкой уже дымились в ее тарелке. Волосы вымыла, распустила по плечам. В его толстом длинном свитере из ангорки и теплых черных колготках, забытых хозяевами в комод, выглядела даже вполне себе ничего. В тусклом свете единственной лампочки — яркое освещение ему было ни к чему — Наташа показалась ему вполне пригодной для нового дела. И синяков почти не было видно.

— Прощу к столу, — приглашающе махнул он рукой. — Едим молча. Все разговоры потом.

Она согласно кивнула, села к столу и минут десять ела не отвлекаясь. Она, кажется, даже не замечала, как он на нее смотрит. А он смотрел прицениваясь, анализируя.

Девчонка выглядела очень потрепанной. И можно было только догадываться, что довело ее до такого состояния. Но вредными привычками точно не обросла. Не пила, не курила

и не баловалась запрещенкой. Он же сразу потребовал от нее руки показать и зубы. И она продемонстрировала.

— Кто тебя побил? — спросил он, когда она поела и взяла в руки бокал с чаем. — Твой папень?

— Нет. Отец. Напился, полез на мать, я вступилась и огребла по полной. Кажется, он даже не понял, что это я. Наутро плакал и просил прощения, но...

— Но что? Не простила?

— Нет. Потребовала от матери, чтобы она с ним развелась и выгнала из дома. Тем более что хата моя — от бабки осталась. Свою-то они давно профукали. Отец ввязался в какую-то авантюру, банк забрал их квартиру за долги.

— И что мать?

— Не знаю и знать не хочу. Дала ей месяц срока. Либо он сваливает, либо они оба. И ушла из дома.

— Давно блуждаешь?

Судя по синякам, полторы недели. Такой вывод он сделал.

— Полторы недели, — ответила она. — То у одних знакомых перекантуюсь, то у других.

— Не работаешь?

— Нет пока. Перехватываю случайные заработки, чтобы за коммуналку платить и всё такое. Сейчас вот с родичами утрясу пробле-

му, тогда уж пушусь в активные поиски. Да и синяки должны пройти: кто меня с фингалами возьмет?

Он размышлял.

Синяки окончательно пройдут недели через две — тогда не останется ни единого следа на ее гладкой коже. За две недели он сможет ее обучить простейшим навыкам. И потом устроит ее на работу. И пока Наташа будет работать, он подумает, как распорядиться ее квартирой. Эта новость, свалившаяся на него вместе с Наташей, оказалась приятным бонусом. И думать не думал, а вон как вышло. Жить в Москве все же лучше и удобнее. В толпе затеряться гораздо проще, чем в глухомани. Хотя жить он там, может, и не станет. А использует это жилье как-то иначе. Надо будет подумать.

То, что в Наташиной квартире сейчас проживали ее родители, его совсем не волновало. Не такие препятствия устранялись махом. А что за препятствие — парочка алкашей? Смех...

— В общем, так: спать будешь в гостиной. Там камин и гораздо теплее, — скомандовал он сразу после того, как они убрали со стола и совместно вымыли посуду. — Завтра с утра начнем обучение.

— Обучение? — удивленно вскинула Наташа аккуратные брови.

— Работать хочешь?

— Хочу.

Она методично вытирала чистым полотенцем разномастные тарелки.

— А что можешь?

Подумав, она кратко ответила:

— Полы мыть, посуду, руками стирать могу очень чисто.

— Уже неплохо. Но мы еще кое-чему тебя научим. А сейчас спать.

Он не сделал ни единого намека, что хотел бы переспать с ней. Вел себя как старший товарищ, не более. Если Наташа сама предложит, он не станет отказываться. Одно другому не мешает, так ведь?

— Спокойной ночи.

Она сразу поняла, что он не станет приставать, и благодарно улыбнулась.

А он в который раз восхитился собственной пронциательностью: не ошибся в этой девушке. Хорошенькая. Уменьенькая. Послушная. У него с ней все получится.

ГЛАВА 2

Валентин сдавал? Как ни пыталась она тянуть его за собой, как ни старалась растормошить, ничего не выходило.

Что не так? Что-то не так...

Валентин с каждым днем становился все более мрачным. Цвет лица серый, под глазами с утра мешки, взгляд мутный. Он сделался неразговорчивым, раздражительным. И все чаще ложился спать в своей холостяцкой спальне.

Разница в возрасте между ними была в двадцать пять лет. И если поначалу пятидесятилетний Валечка излучал энергию, целеустремленность, восхищал ее, заряжал позитивом, то спустя двадцать лет совместной жизни будто выдохся.

— Он просто постарел, Нико, — скалился брат Миша в ответ на ее жалобы. — Ему семьдесят — что ты хотела? Чтобы он, как двадцать лет назад, с теннисной ракеткой бегал и на лошадях через барьеры прыгал?

— Почему нет? Семьдесят — не возраст для мужчины, — вяло возражала она.

— Серьезно? Хочешь сказать, что через тридцать пять лет я буду все так же силен в постели? И все женщины будут от меня без ума?

Миша задирает голову, хохоча во все горло. Он всегда громко смеялся, заражая своим смехом окружающих. Но сейчас Веронике было не до смеха. Она лишь поморщилась и потерла виски указательными пальчиками.

— Кстати, а как у вас в сексе, Нико?

— Отстань.

— Нет, ну правда. Вы с ним того, а? Или нет?

Брат смотрел на нее догадливо и насмешливо. И это Веронику ранило больше всего. Но брат намекал на возраст ее мужа, совершенно опустив тот факт, что и ей уже сорок пять. И она уже сходит с дистанции. И последний прием у одного влиятельного лица это доказал как нельзя лучше.

На нее совершенно не смотрели мужчины! А она была хороша в новом платье с глубоким декольте. И прическа была красивая, замысловатая. И макияж выше всяких похвал. А всё мимо! Все взгляды! На нее не обращали внимания не только мужчины, но и женщины. А это было гораздо хуже.

Зато произвела фурор молодая спутница одного из партнеров ее Валечки. Высокая, худая, волосы длинные, до пояса, и просто причесаны, макияжа почти ноль. Но ей вслед обращивались. И ее Валечка тоже. И даже к ручке ее приложился.

— Какой позор, — шипела Вероника, возвращаясь с мужем домой.

— Что именно, дорогая? — сонно спросил супруг.

Он принялся дремать сразу, как сел в машину, отдав распоряжение водителю везти их за город. Даже ее не спросил. А она не хоте-